

И ВЕЧЕН ВЕШНИЙ ЦВЕТ

Анатолий КАЛИНИН

ТАК НЕТ ЖЕ, не отзвучали певучие серые птицы бесстрашным рыцарям эпохи коллективизации и самой нашей юности. Вот уже полвека вновь и вновь возвращаются к их могилам и гремят, гремят. А в изголовьях Давыдова и Нагульнова не вянет вешний цвет, сносимый к ним не только со всей распростертой во круг донской, но и со всех других отечественных и заморских степей и земель.

Сколько же за эти полвека промелькнуло под крыльями пернатых певцов, приворожавших себя к Гремячему Логу! Время и само лицо земли непостижимо изменились. Но из всего, что безвозвратно пронеслось под их крыльями, припомним сегодня лишь одноединственное, равного которому по своему величию не было до этого во всей истории нашей планеты и вряд ли еще когда-нибудь будет. И припомним, чтобы ответить тоже на один — единственный вопрос: а смогли бы дети Давыдовых и Нагульновых, призванные Родиной в час смертельной опасности, решающего боя с врагом, одолеть его, сломать ему хребет, если бы к тому времени не восторжествовал колхозный строй, если бы их Родине в этот грозный час пришлось снимать шапку у каждого единоличного двора с просьбой о хлебе для армии?

Никому, конечно, и никогда, а может быть, и самому Шоло-

хову не дано задним числом вызвать из минувшего тот ослепительный миг молниеносного озарения, когда на длительном марше им уже бесповоротно было принято решение перебраться из седла «Тихого Дона» в седло «Поднятой целины». Легко ли было ему оставить Григория Мелехова на развилке кровавого лихолетья. Но мы вправе сегодня сказать, что это был миг высшего и тревожного взлета гения, целиком и безоговорочно связавшего свою судьбу с судьбой народа. И рискну сказать, что было это в тот самый час, когда рождаются звезды и дети. Тучи бродили над донской степью и над всей русской землей. Вдруг натиском ветра с дальним громом распахнуло бессонное внешнее окно и отодвинуло в сторону двадцатые годы. Сердце властно продиктовало руке: «В конце января, овеванные первой оттепелью, хорошо пахнут вишневые сады». И потом уже всю последующую жизнь ты так и не сможешь себе простить, что не подстерег той минуты, когда «январским вечером 1930 года въехал в хутор Гремячий Лог верховой».

Это смерть спешила опередить Давыдова, которому назначено было стать бессмертным. У тех сыновей партии, чья жизнь и судьба были выплавлены из набатного металла тридцатых годов, нет смерти. И эту участь разделяет с

ними роман Шолохова, в котором восславлены они с такой силой.

Таинна непреходящего влияния «Поднятой целины» на умы и сердца заключается еще и в том, что она появилась именно тогда, когда должна была появиться. Книга была нужна партии и народу, как воздух. Из явления литературного «Поднятая целина» сразу же превратилась в явление политическое. Самим фактом мгновенного общенародного признания этого романа сильнее любых теоретических докладов и статей утверждалась жизнеспособность метода социалистического реализма в литературе и искусстве.

Не найти было другого произведения, которое так бы сочитало в себе впечатляемость высокохудожественного документа эпохи с неотразимостью революционного руководства к действию.

И вот уже вместе с бурным донским ветром ворвались в литературу невиданные доселе народные типы и характеры, горнящие сгустки и слепки времени, а с ними она, молодая советская литература, впервые явила миру социализма живые черты. Нам посчастливилось полной мерой испытать этот восторг узнавания себя, своей страны, своей эпохи. Всего через четыре года после того, как двадцатитрех-

летний Шолохов развернул перед нашим взором грандиозное полотно «Тихого Дона» выходит из-под его пера «Поднятая целина», провозглашая и утверждая с несравненной силой художественного воздействия на миллионы людей неизбежность и неотложность революционных перемен в деревне. Провозглашая и утверждая в то же время всем своим духом и каждой строкой добровольную принадлежность советского художника слова делу партии, неотделимости его от народа.

Всю свою жизнь Шолохов хранит верность этой присяге.

Но в том-то и волшебство художественного гения, что, проиница необыкновенное в обыкновенном, он превращает его в вечную ценность. Утвержденный в красках, неподвластных времени, навсегда остался в памяти нашего народа образ великого перелома в деревне, обаятой пламенем классовой борьбы. Образ русского земледельца, перепыхивающего между, отделяющую его лоскутный надел, его жизнь и судьбу от такого же лоскутного надела, от жизни и судьбы соседа. Образ рабочего класса, вкладывающего в его руки чапиги исторического плуга.

А там вскоре и все трудовое крестьянство земли прижмет этот русский роман о коллективизации к благодарному сердцу. В Европе, в Азии, в

Африке, в Латинской Америке его назовут учебником жизни. Теперь уже не обаять взором всех и на всех континентах, кому он в решающий час помог в выборе пути к социальной справедливости, к подлинной свободе.

Новый роман Шолохова сразу же выдвинул в первый ряд литературных героев всемирного звучания волею Григорием Мелеховым и Аксиньей за Федором Подтелковым — Макара Нагульнова и Семена Давыдова, Лушку и деда Щукаря. Тот же, но уже обогащенный революцией неповторимый казачий говор, коснулся уха и сердца читателя. Та же неержавеющая кровью политая, но уже не изорванная межками в клочки и еще более величавая степь выиграла всеми своими красками и звуками с новой молодой силой. Оноэтизированный влюбленным в нее художником, она переживает и трепещет на всем пространстве «Поднятой целины». И как в «Тихом Доне», — пугде нет пейзажа ради самого пейзажа, природа является частью жизни людей, а люди частью природы, она и открывает и закрывает им глаза, и омывает их своей слезой, и напештывает им песню любви, вознаграждает их за их труд и ободряет в тяжкий час своей материнской улыбкой. У какого еще писателя судьба человека так всегда нераздельна с судьбой родной природы, этой колыбели жизни, радости и печали, всего сущего на земле?

И когда сегодня советские писатели в своих ли романах или же, отодвинув в сторону рукописи неоконченных романов, в публицистических откликах на злобу дня возышают голос против браконьер-

ства в любых его видах и формах, то это не жажда славы движет их перьями, а все те же гены сыновней любви к родной земле не дают молчать. Чуткое сердце партии, отзывчивое на радость и боль народную, не остается равнодушным к этим сигналам, подаваемым нашей литературой.

На какой бы за эти полвека бумаге ни печаталась «Поднятая целина» — на скромных ли страницах районных газет, которые коннонарочные доставляли прямо к борозде, или на лауреатской, с серебристым отливом, бумаге, на плоской ли рукопечатной машине в подпольной антифашистской типографии или на ротации полиграфического комбината «Правды», ее не смогло взять время. Фашистские штурмовики бросали ее в огонь, но он отступился от нее. «Соавторы» с берегов Гудзона, но в полонцевских башнях, подрадавались к ней (как подрадавались они и к «Тихому Дону»), рассудив за спиной Шолохова, что надежнее всего будет завершить сюжет гибелью Давыдова и Нагульнова от руки чекистов, но тут вдруг явилась вторая книга романа с ее скорбным и величественным финалом, под стать по идейно-художественной мощи финалу «Тихого Дона».

После Октября не было у нашей партии более высоко нравственной задачи, чем задача вызволения человека земли из вековой нужды и отсталости, и одухотворенный ею роман Шолохова сразу же неизмеримо поднял нравственный отсчет всей нашей литературы. А разве этот творческий урок прошел бесследно для того поколения писателей,

что мужественное слово было принято на вооружение народом в годы Великой Отечественной войны наряду с эрсами, тридцатьчетверками, «ястребками»? С полей грандиозной битвы с фашизмом на всю страну и на весь мир звучал голос советской литературы, исполненный высокой любви к социалистической Родине и испепеляющей ненависти к ее врагам.

НЕУДЕРЖИМЫЕ годы, но молодой восторг узнавания своего времени, своего народа, самих себя остается с нами. Не убывает, а обновляется читательская любовь к «Поднятой целине», все ярче освещаемой историческим опытом народа и личным опытом каждого из нас. Все полнее выявляются ее общечеловеческие значимость и ценность. Обращаясь к творческому примеру ее автора, партия устами товарища Л. И. Брежнева зовет советских писателей смелее и глубже постигать действительность, психологию современного человека. Продолжительная программа партии и окрыляет их, и обостряет их чувство ответственности за благополучие родного народа.

Еще полвека пройдет. Будут рождаются звезды и дети. Вновь и вновь из сердца автора «Поднятой целины» будет передаваться сердцам миллионов людей скорбь о тех, кому отзвучали весенние птицы в гремячих вишневых садах.

Но ему же, Шолохову, люди всегда останутся обязаны и тем, что все громче и громче будут величать певучие серые птицы этих рыцарей коллективизации, с которыми народный художник слова, как товарищ по партии, разделял их бессмертную славу.